

На правах рукописи

СКАЧЕДУБОВА МАРИЯ ВАДИМОВНА

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ *-л-*ФОРМЫ В ДРЕВНЕРУССКОМ НАРРАТИВЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАННИХ ЛЕТОПИСЕЙ)

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва

2019

Работа выполнена в отделе корпусной лингвистики и лингвистической поэтики
Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института русского
языка им. В. В. Виноградова РАН

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор,
академик РАН, зам. директора,
заведующий отделом корпусной
лингвистики и лингвистической поэтики
ФГБУН Института русского языка им.
В.В. Виноградова РАН
Владимир Александрович Плунгян

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры романистики и
германистики ГОУ ВПО «Московский
государственный областной университет»
Анастасия Анатольевна Балута

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка и
прикладной лингвистики ФГАО ВО
«Казанский (Приволжский) федеральный
университет»
Олег Феофанович Жолобов

Ведущая организация Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт
лингвистических исследований РАН

Защита диссертации состоится 18 апреля 2019 года в 14.00 на заседании
диссертационного совета Д 002.008.01 при Институте русского языка им.
В. В. Виноградова РАН по адресу: Москва, улица Волхонка, 18/2.

С текстом диссертации можно ознакомиться в библиотеке Института русского языка им.
В. В. Виноградова РАН. Полный текст диссертации размещен на сайте: www.ruslang.ru.

Автореферат разослан « » 2019 года.

Ученый секретарь диссертационного совета

доктор филологических наук, профессор РАН

Д. М. Савинов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена анализу закономерностей употребления *-л*-формы¹ (в частности, ее морфологических, синтаксических и дискурсивных особенностей) в нарративе в русских летописях, различных как по территориальному признаку, так и по времени написания.

Актуальность работы обусловлена несколькими факторами.

1. В современной лингвистике все большее внимание уделяется выявлению не частных, а универсальных закономерностей языка. Актуальным является комплексное изучение языковых данных, предполагающее использование многофакторного, всестороннего анализа материала, представленного во всей совокупности. До сих пор подобных исследований, посвященных функционированию *-л*-формы, не проводилось. Работы, в которых анализируется семантика *-л*-формы, ограничиваются либо анализом одного из двух времен, составной частью которых она являлась, – перфекта или плюсквамперфекта (работы Ф. Ф. Чернова, М. Н. Шевелевой, П. В. Петрухина, Д. В. Сичинавы, О. Ф. Жолобова и др.), либо рамками одного памятника (работы Е. С. Истриной; Т. И. Фрояновой, Т. И. Прокоповой, Т. Н. Поповой, В. А. Семянко, П. В. Петрухина, М. Н. Шевелевой и др.).

2. Исследования последнего времени показали, что крайне перспективным для понимания тех или иных фактов языка является их сопоставление с данными других языков. Анализ материала в типологическом аспекте помогает пролить свет на процессы, происходящие в изучаемом языке, и выявить универсальные закономерности. Таким образом, актуальным является рассмотрение анализируемого в данной работе материала в свете данных других языковых систем.

Целью диссертационного исследования является комплексное исследование морфологических, синтаксических и дискурсивных особенностей *-л*-формы в нарративе на материале ранних русских летописей, отличных как по времени создания, так и по диалектной принадлежности, выявление тенденций и механизмов эволюции *-л*-формы, а также диалектных особенностей в истории ее развития.

Для достижения указанной цели в работе поставлены следующие **задачи**:

1. Проанализировать полную выборку примеров употребления *-л*-формы в нарративе.

¹ Из рассмотрения исключается т. н. будущее сложное II (*бюдоу* + *-л*-форма), функционирование которого в древнерусском детально проанализировано в диссертации и статьях Я. А. Пеньковой.

2. Выявить синтаксические, морфологические и дискурсивные особенности *-л-* формы в контекстах различных типов.

3. Сопоставить данные более ранних и более поздних памятников, а также памятников различной диалектной принадлежности.

4. Сопоставить полученные выводы с материалом современных русских диалектов, а также с данными других славянских языков.

Методология работы основывается на диахроническом и функционально-семантическом подходе в понимании А. В. Бондарко, который сформулировал задачи функциональной грамматики как «разработку динамического аспекта функционирования грамматических единиц во взаимодействии с элементами разных уровней языка, участвующими в выражении смысла высказывания»².

Исследование осуществлено на базе сплошной выборки контекстов с *-л-* формами с применением таких **методов** исследования, как дескриптивный, сравнительно-сопоставительный, количественно-статистический.

Материалом для исследования послужили русские летописи различной диалектной локализации, составленные в разное время, что позволяет проследить особенности употребления *-л-* формы как в раннедревнерусский период, так и в более позднее время.

- Летописи северо-западной локализации:

1. *Новгородская первая летопись старшего извода* по Синодальному списку (НПЛ ст.).

НПЛ ст. представлена единственным списком (Синодальным) и состоит из двух частей. Первая часть писана двумя почерками ок. 1234 г. и освещает события с 1016 до 1234 гг. (начало летописи утрачено). Вторая часть, переписанная ок. 1330 г., доводит изложение до 1330 г.

2. *Новгородская первая летопись младшего извода* по Комиссионному списку (НПЛ мл.).

НПЛ мл. была составлена в конце 30-х гг. XV в. и дошла до нас в двух списках – Академическом (40-е гг. XV в.) и Комиссионном (2-я половина XV в.).

3. *Псковская первая летопись* по Тихановскому списку (Пск. I).

Тихановский список является списком 1-й половины XVII в. Он представляет собой свод 1469 г. Особым ответвлением Псковской первой летописи являются Погодинский и Оболенский списки (Пск. I Пог. и Пск. II Обол.), писанные во 2-й половине

² Бонадрко А. В. Функциональная грамматика. Л.: Наука, 1984. С. 4.

XVI в. и в 1-й половине XVII в. соответственно, содержащие свод 1547 г. Они также привлекаются в некоторых разделах исследования.

4. *Псковская вторая летопись* по Синодальному списку (Пск. II).

Псковская вторая летопись представлена единственным списком – Синодальным, переписанным в конце XV в.

5. *Псковская третья летопись* по Строевскому списку (Пск. III).

Строевский список написан около 1560 г. Текст Пск. III привлекается только в параграфе «О соотношении причастий на *-ьш/-вьш-* и *-л-*форм» главы 2.

- Летописи юго-западной локализации:

6. *Ипатьевская летопись* по Ипатьевскому списку (ИЛ).

ИЛ является списком с южнорусского летописного свода, составленного в XIV в., и датируется первой четвертью XV в. Этот летописный свод, соединивший несколько летописных источников, делится на четыре части:

6.1. *Повесть временных лет* по Ипатьевскому списку (ИЛ ПВЛ).

6.2. *Киевская летопись* по Ипатьевскому списку (ИЛ КЛ).

6.3. *Галицкая летопись* по Ипатьевскому списку (ИЛ ГЛ).

6.4. *Волынская летопись* по Ипатьевскому списку (ИЛ ВЛ).

В диссертации также привлекаются разночтения Ипатьевской летописи по Хлебниковскому списку XVI в. (Х.), восходящего к тому же оригиналу, что и Ипатьевский список, и Погодинскому списку (П.), являющемуся точной копией Хлебниковского списка XVII в.

- Летописи центральной локализации:

7. *Лаврентьевская летопись* (ЛЛ).

ЛЛ – летопись XIV в., сохранившаяся в единственном списке 1377 г. ЛЛ состоит из двух крупных частей:

7.1. *Повесть временных лет* по Лаврентьевскому списку (ЛЛ ПВЛ).

7.2. *Суздальская летопись* по Лаврентьевскому списку (СЛ).

В состав ЛЛ входит также «Поучение «Владимира Мономаха. Этот текст исключается из нашего анализа, т. к. значительно отличается от летописного жанра как в стилистическом, так и языковом отношении. Кроме того, временные формы «Поучения» подробно разобраны М. Н. Шевелевой.

8. *Продолжение Суздальской летописи* по Академическому списку (Ак.).

Летопись по Академическому списку сохранилась в рукописи конца XV в. Она принадлежит к одной группе с ЛЛ, однако с 1205 г. текст рукописи значительно

отличается от текста ЛЛ. В данной работе к анализу привлекается часть Ак., охватывающая события с 1205 по 1419 гг.

Научная новизна настоящей диссертации заключается в том, что впервые проводится комплексное исследование полной выборки контекстов с *-л*-формами в нарративе на материале широкого круга памятников. Также впервые применяется подход, при котором примеры с *-л*-формами без связки, употребленными не в перфектном значении, систематизируются и разбиваются на характерные типы контекстов.

Теоретическая значимость состоит в применении многоаспектного и типологического подхода при изучении *-л*-форм, которые анализируются с точки зрения различных лингвистических параметров. При описании функционирования рассматриваемых форм учитываются их лексическое и грамматическое значения, рассматривается возможная контекстуальная обусловленность, выявляются дискурсивные особенности и др. Для описания семантики *-л*-форм по мере возможности привлекаются также типологические критерии.

Практическая ценность диссертационного исследования заключается в том, что его материалы и выводы могут быть использованы в курсах и пособиях по исторической грамматике русского языка и истории русского литературного языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Значительная часть *-л*-форм в нарративе без связки, не имеющих перфектного значения, употребляется не хаотично, а в определенных типах контекстов, повторяющихся во всех исследованных летописях (в древнейших летописях они составляют 100% от всех употреблений *-л*-формы без связки, в более поздних – 30-40%).

2. *-л*-форма без связки могла употребляться в плюсквамперфектном значении, обозначая результат, отнесенный к прошлому. Такое использование *-л*-формы следует рассматривать не как употребление бессвязочного перфекта, начавшего утрачивать свое исконное значение, а как нейтрализацию перфекта и плюсквамперфекта в специализированной результативной форме, для которой было нерелевантно соотнесение с временным планом настоящего или прошлого.

3. *-л*-форма без связки могла использоваться в функциях, типичных для действительных причастий прошедшего времени на *-ъш/-въш-*, обозначая дополнительное или фоновое действие, употребляться в контекстах, типичных для зависимых причастных предикаций, и др. Иными словами, *-л*-форма использовалась для

маркирования действия, характер которого отличался от действий основной линии повествования, выраженных, как правило, формами аориста.

4. Не все сочетания *быти* в пр. вр. + *-л-*форма являются формами плюсквамперфекта. Часть из них не имеет ни одного из плюсквамперфектных значений и представляет собой свободное синтаксическое сочетание бытийного глагола и причастия прошедшего времени, значение которого композиционно складывается из его составляющих.

5. Можно говорить о функциональной синонимии двух причастных образований: *-л-*формы и причастий на *-ьш/-вьш-*. Не только *-л-*формы употреблялись в качестве «обычных» причастий прошедшего времени, но и последние в сочетании с глаголом *быти* использовались для передачи перфектного и плюсквамперфектного значений. В работе приведены семь ранее неизвестных примеров таких конструкций. И по форме, и по значению сочетания *быти* в пр./наст. вр. + прич. на *-ьш/-вьш-* сопоставимы с сочетаниями глагола *быти* и форм на *-виш* в говорах с северо-западным перфектом. Вполне возможно, что «новый» перфект был сформирован именно на их базе. Наличие таких сочетаний в памятниках центра говорит о том, что их употребление не являлось особенностью исключительно северо-западных говоров.

Основные положения работы прошли **апробацию** на международных научных конференциях: XXVI Ежегодная богословская конференция (ПСТГУ, 2016); «Славянский мир: общность и многообразие» (ИСл РАН, 2016, 2017, 2018); «Типология морфосинтаксических параметров» (ИЯз РАН, 2016); «Русский глагол» (ИЛИ РАН, 2017); XLVII Международная филологическая конференция (СПбГУ, 2018); BASEES Annual Conference (Cambridge University, 2018); «Славянский мир: Язык, литература, культура» (МГУ, 2018).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы. Отдельный раздел составляют приложения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** раскрывается актуальность темы, определяется предмет исследования, формулируются цели и задачи работы, дается краткая характеристика методов и проанализированных памятников, обосновывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость, излагаются основные положения, выносимые на защиту, сообщаются сведения об апробации результатов, описывается структура диссертации.

В **первой главе** освещается история изучения функционирования *-л*-формы. Глава состоит из трех частей, посвященных истории *-л*-формы в дописьменный период, а также эволюции перфекта и плюсквамперфекта в древнерусском языке.

Во **второй главе** рассматривается употребление *-л*-формы без связки не в перфектном значении.

Летописный нарратив (ранний – в меньшей степени, поздний – в большей) изобилует *-л*-формами без связки, употребленными не в перфектном значении. Такие формы традиционно интерпретируются как перфект, утративший в разговорном языке свое исконное значение и превратившийся в единственную форму прошедшего времени. Однако, как показал анализ, значительную часть контекстов с таким употреблением *-л*-форм можно классифицировать и разбить на несколько характерных групп. Это свидетельствует о том, что подобное использование не может объясняться случайной и непредсказуемой заменой «книжных» аориста и имперфекта разговорной формой прошедшего времени.

Наряду с выделенными специализированными контекстами в летописном нарративе присутствуют примеры, в которых *-л*-форма действительно употребляется в качестве простого претерита. Соотношение количества примеров в этих двух группах показательно и объясняется общепринятыми представлениями об эволюции *-л*-формы. В наиболее древних летописях (ИЛ, НПЛ ст., ЛЛ ПВЛ) *-л*-формы встречаются практически исключительно в специализированных контекстах, причем в ИЛ ПВЛ, КЛ и ГЛ такое употребление является стопроцентным. В позднейших же летописях процент *-л*-форм, употребленных в качестве простого претерита, возрастает (максимальный показатель в Пск. II – 67%). Подробнее см. таблицу 1 на стр. 20.

Специализированные контексты с *-л*-формами можно разделить на две группы.

К первой относится употребление *-л*-формы для обозначения **результата, отнесенного к прошлому**, ср.: НПЛ мл. л. 215 об. **Того же лѣта ходиша новгородци въ Юрьевъ, и розмѣнишася Нѣмци, что поималѣ въ Рѣховомъ, Свѣю на Аврама и на Күзмі и на Александра и на Ондрѣя и на дружинѣ их** – Новгородцы обменяли тех немцев, которых взяли / были взявшими в плен (которые, как результат, находились у них в тот момент в плену).

Такое употребление рассматривается в работе как результат нейтрализации перфекта и плюсквамперфекта в результативной форме, для которой нерелевантно

соотнесение с определенным временным планом. В пользу такой интерпретации свидетельствуют данные современных русских говоров с перфектом / плюсквамперфектом на *-виш/-ши*, где результативное причастие на *-виш/-ши* может использоваться по отношению к прошлому без связки в прошедшем времени. Больше всего обсуждаемых примеров встретилось в НПЛ ст. и мл. (не являющихся самыми большими по объему летописями), что соотносится с представлением о том, что категория результативности была наиболее устойчивой в северо-западной зоне.

Другую группу составляют несколько типов контекстов, в которых *-л-*форма используется в функциях, типичных для **действительных причастий** прошедшего времени на *-ш/-вш-*. Среди прочего, она может:

- Употребляться в контекстах, типичных для зависимых причастных предикаций.

Так, например, один из типов контекстов, характерных для зависимых причастных предикаций, по наблюдениям А. А. Потебни и А. А. Пичхадзе, – контексты с союзными (вопросительно)-относительными словами, которые указывают на неопределенный, любой субъект / объект, обстоятельство или свойство, ср.: НПЛ мл. л. 154 **дрѹзѹи же моѹ ядѹхѹ и ѹшь, соснѹ, корѹ липовѹ и листѹ, илемѹ, кто что како замысливѹ** – ‘если все, кто (каждый, всякий, любой) что придумает’. В проанализированных нами летописях была обнаружена группа примеров, в которых в аналогичных контекстах употреблена *-л-*форма, ср.: ИЛ ВЛ л. 302 и **розѹсла мл(ѣ)тню по всен земли и стада роздаѹ оѹбогымь. людемь. оѹ кого то конни нѣтоѹтъ. и тѣмь иже кто погивли в Телевоѹзѹиноѹ рать** – ‘раздавал милостыню всем / любым / кто (ни) пострадал во время рати’.

- Обозначать дополнительное действие и выступать в качестве причастия прошедшего времени на *-ш/-вш-* в конструкциях типа «*вставь (и) рече*», чрезвычайно частотных в древнерусских памятниках и подробно разобранных А. А. Потебней.

Рассмотрим пример: ИЛ ПВЛ л. 66 об. **сице бы(ѣ) волхѹвъ всталѹ при Глѣбѣ в Новѣгородѣ. глѣшетъ бо людемь. и творашетъ бо (людемь) бѣмь.** Этот контекст повторяется в ЛЛ ПВЛ: ЛЛ ПВЛ л. 60 об. **сице бѣ волхѹвъ всталѹ при Глѣбѣ Новѣгородѣ. глѣтъ бо людемь творасѹ акы бѣ. и многы прельсти мало не всего града. глѣшетъ бо тако проповѣдь всѹ. и хѹла вѣрѹ х(ѣ)ганскѹ.**

Разница двух примеров заключается в том, что в первом случае глагол **БЫТИ** представлен в форме **БЫСТЬ**, а во втором – в форме **Бѣ**. Если пример из ЛЛ не

сопоставлять с примером ИЛ, то **бѣ всталъ** можно было бы интерпретировать как форму плюсквамперфекта. Однако наличие **бысть** в ИЛ свидетельствует о том, что глагол **быти** здесь использован в функции введения новой ситуации со значением 'случилось [так]', подробно описанной М. Н. Шевелевой. При этом чаще всего он выступает именно в форме **бысть**. Такое употребление частотно в древнерусских памятниках. Подобные конструкции, по данным С. К. Пожарицкой, сохранились в северных говорах, где действительное самостоятельное *было* «вводит ситуацию прошедшего времени» и высказывания с ним должны пониматься как «А было так:...». К плюсквамперфекту такие структуры отношения не имеют. В связи с этим **сице бысть** следует понимать, скорее всего, как 'было / случилось так, что'. Таким образом, форму **всталъ** нужно анализировать отдельно от глагола **быти**. Едва ли ее стоит интерпретировать как употребленную в аористной функции, т. к. отсутствует союз *и*, который должен был бы соединять два самостоятельных сказуемых («*появился и говорил*»). По-видимому, *-л-* форму нужно рассматривать как причастие, употребленное в классической причастной функции для обозначения сопутствующего действия. В таком случае предложение следует понимать так: 'Случилось так: волхв, появившись / появившийся при Глебе в Новгороде, начал проповедовать людям и выдавать себя за бога'.

- Обозначать фоновое действие, противопоставленное по своему характеру соседним действиям, выраженным формами аориста, ср.: ИЛ КЛ л. 222 об. **наворопници же перешедше Хоролъ. взидоша на шолома. глдагоуце. кдѣ оузрахъ ѣ. Кончакъ же стогалъ оу лоузѣ. егоже ѣдоуце по шоломени уминоуша. иныѣ же вагаты оузрѣвшє. оударниша на нихъ** – 'пока передовой отряд переходил Хорол и поднимался на холм, Кончак (все это время) находился на лугу'.

Очевидная противопоставленность *-л-*формы по характеру действия соседним формам аористов указывает на то, что *-л-*форма в подобных случаях употребляется не случайно, что это не хаотичная взаимозаменяемость форм простых претеритов и бывшей формы перфекта, а закономерное и последовательное ее использование в определенном типе контекстов.

Иными словами, во второй группе *-л-*форма используется для маркирования действия, характер которого отличается от действий основной линии повествования, выраженных, как правило, формами аориста.

В текстах есть явные доказательства функциональной взаимозаменяемости форм на *-л-* и на *-ъш/-въш-*. Об этом говорят примеры, в которых *-л-*форма и «обычное» причастие употребляются вместе, соединенные союзом *и*, при единственной форме глагола *быти*, ср.: ИЛ КЛ л. 170 об. **Изъславъ же ре(ч̄) и ны вы есмь свторилъ. вже есте на ма. пришли. а како ми с вами Бъ дасть. башеть во пославъ [Х.П. послалъ] и подвель Глѣва Дюргѣви(ч̄) с Половци.**

Это подтверждает и наличие примеров с сочетанием *быти* в пр./наст. вр. + прич. на *-ъш/-въш-*, выражающим результативное значение, как и перфект и плюсквамперфект с *-л-*формой, ср.: НПЛ мл. л. 42 об. **Бѣ во Рогъволодъ пришед изъ заморья, имяше власть свою в Полотьскѣ.** Ранее было известно всего три примера таких конструкций, на которые указал А. А. Потебня. В работе приведены еще семь ранее не обнаруженных контекстов. И по форме, и по значению сочетания *быти* в пр./наст. вр. + прич. на *-ъш/-въш-* сопоставимы с сочетаниями глагола *быти* и форм на *-вши* в говорах с северо-западным перфектом. Вполне возможно, что «новый» перфект был сформирован именно на их базе. Наличие таких примеров не только в новгородско-псковских летописях, но и в памятниках, созданных в центре и на юге, говорит о том, что такое употребление не было особенностью исключительно северо-западных говоров.

Вероятность того, что *-л-*форма одновременно могла использоваться и в качестве результатива, и в качестве собственно причастия прошедшего времени, подтверждается современными диалектными системами. Так, более-менее похожую картину можно наблюдать в говорах с «новым» перфектом на *-ши*. Отпричастные формы на *-ши* могут употребляться как предикативно в качестве результативной формы (*Каму он ушóчча?*), так и полупредикативно в качестве второстепенного сказуемого (*Обувши, я пошел в лес*). Кроме того, будучи использованными в предикативной функции, формы на *-ши* не всегда имеют значение результата. Прежде всего это касается *-ши*-форм, образованных от глаголов НСВ, ср.: *брала брусницу, ...того гада не видевши, он меня и укусил*³. Такие формы выражают процесс или состояние, длящееся в момент наблюдения.

Таким образом, ситуация в говорах с северо-западным перфектом в целом похожа на то, что мы видим в летописном тексте: в обоих случаях существует (от)причастная форма, которая может использоваться и как результативная форма, и как нерезультативная, выступая в качестве самостоятельного сказуемого (часто

³ Примеры взяты из работ А. И. Рыко, Ф. П. Филина, И. Б. Кузьминой и Е. В. Немченко.

второстепенного), обозначая фоновое действие и т.д. Использование обсуждаемых форм в обеих функциях обусловлено изначально их причастным характером.

Последовательное использование *-л*-формы в псковских летописях для обозначения фонового / продолжительного действия, противопоставленного по своему характеру формам аориста, свидетельствует о том, что ее причастный характер был ощутим еще в XV–XVI, а может быть, и в XVII вв.

Данное утверждение не противоречит фактам, свидетельствующим, казалось бы, о превращении *-л*-формы в единственную форму прошедшего времени уже в XII–XIII вв. Во-первых, морфологические изменения (как любые языковые изменения) происходят не одновременно. Во-вторых, книжный язык эволюционирует медленнее, чем разговорный.

Кроме того, вполне вероятен перенос функций определенных форм, характерных для разговорного языка, на соответствующие формы книжного языка. Так, больше всего *-л*-форм в качестве универсальной результативной формы встретилось в НПЛ ст. и мл. Это может быть связано с тем, что в новгородской зоне категория результативности не находилась на пути к исчезновению, как это происходило в южных говорах и говорах центра, а нашла себе другие средства выражения – причастия на *-вши*. Следовательно, летописец мог переносить функционирование уже новых результативных форм в своем языке на те формы, которые обозначали результатив в летописном (однако вполне вероятно и сосуществование в определенный момент дублетных форм).

Причастное употребление *-л*-формы в поздних летописях не означает, что она не была уже единственной формой прошедшего времени. Это говорит о том, что ее причастность не была полностью утрачена и могла актуализироваться в определенных ситуациях. Так, авторы псковских летописей, старающиеся использовать для повествования о прошлых событиях аорист, нуждались в форме, которая обозначала бы иной характер действия. Учитывая, что имперфект не был живой формой, а причастие, скорее всего, было занято северо-западным перфектом и воспринималось как разговорная форма, наиболее подходящей могла казаться *-л*-форма, еще сохраняющая потенциальную причастность. Такое использование имеющихся у носителя языковых средств для передачи актуальных для него смыслов, которые не могли быть уже выражены утратившимися временными формами, кажется очень вероятным, учитывая, что «абсолютизация независимости грамматики книжного языка от живого вряд ли справедлива», «что грамматическую семантику, системные отношения нельзя заучить и

пользоваться этими заученными знаниями при порождении собственного текста»⁴ и что для возникновения той или иной письменной установки «нужно, чтобы соответствующая семантическая категория существовала в том или в ином виде в языковом опыте носителей»⁵.

Из всего сказанного следует, что *-л-*форма могла употребляться не только в составе сложных времен, но и в качестве «обычного» причастия прошедшего времени. Такой вывод подтверждается отдельными фактами древнерусского языка, переводческой стратегией, данными современных русских диалектов, а также материалом других славянских языков.

В **третьей** главе рассматриваются контексты, в которых *-л-*форма как со связкой, так и без связки является составной частью формы перфекта, имеющей перфектное значение. Такие контексты разделяются на две большие группы.

К первой группе относится так называемый относительный перфект, употребляющийся в изъяснительных конструкциях при передаче чужой установки. Подобное использование временных форм связано с отсутствием строгого согласования времен в древнерусском языке и подробно описано М. Н. Шевелевой. Вопреки мнению исследователя, относительный перфект уже в древнейших текстах мог использоваться после глаголов *речи* и *глаголати*, ср.: ИЛ КЛ л. 213 **тоу же приѣхаша к немуу Кигане. декоуче. оуже Романъ шелъ к Бѣлоугороду.**

Вторую группу составляют контексты, в которых перфект использован в собственно перфектном значении и обозначает результат, относящийся к настоящему летописца, ср.: НПЛ мл. л. 82 об. – 83 <...> **идеже нынѣ поставилъ Сотъке церковь каменѹ святого Бориса и Глѣба над Волховомъ.**

В обеих группах возможно употребление *-л-*формы как со связкой, так и без связки. Доля примеров со связкой наиболее значительна в ранних летописях, со временем она сокращается.

В **четвертой** главе рассматривается функционирование сочетания *быти* в пр. вр. + *-л-*форма. В проанализированных летописях такие контексты делятся на две группы.

⁴ Шевелева М. Н. Об утрате древнерусского перфекта и происхождении диалектных конструкций со словом *есть* // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве: Сборник научных статей к 80-летию профессора К. В. Горшковой. М., 2001. С. 199–216.

⁵ Живов В. М. Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 95.

В первой группе сочетание *быти* в пр. вр. + *-л*-форма является формой плюсквамперфекта. В изученных памятниках встречается как «книжный», так и «русский» плюсквамперфект.

Книжный плюсквамперфект употребляется регулярно, чаще всего в своем исконном значении, обозначая результат, отнесенный к плану прошедшего. Примеров с семантикой преждепрошедшего всего шесть. Это говорит о том, что это значение едва ли было одним из исконных значений плюсквамперфекта. О верности такого предположения свидетельствует само устройство временной системы, в которой присутствовал перфект как форма, обозначающая результативность в настоящем. Соответственно, логичным представляется утверждение, что плюсквамперфект, отличавшийся от перфекта только временем вспомогательного глагола, выражал это же значение в прошедшем.

Значительный процент «книжного» плюсквамперфекта составляют контексты с антирезультативным значением. При этом практически во всех таких контекстах присутствует результативная семантика, которая контекстуально осложняется антирезультативностью, что согласуется с мнением М. Н. Шевелевой о том, что антирезультативное значение в древнерусском зарождалось на базе результативного значения, а не давнопрошедшего, как в других языках мира.

«Русский» плюсквамперфект представлен единичными примерами: их всего семь, в то время как форм «книжного» плюсквамперфекта более семисот. Из семи примеров в двух случаях «русский» плюсквамперфект употреблен в результативном значении, в пяти – в антирезультативном.

Материал исследованных летописей позволяет дополнить список примеров, в которых для образования формы плюсквамперфекта используется глагол *быти* в форме аориста, что подтверждает гипотезу Д. В. Сичинавы о происхождении славянского условного наклонения из плюсквамперфекта.

Псковские летописи в плане употребления плюсквамперфекта стоят особняком. Формы «книжного» плюсквамперфекта в них крайне редки и нерегулярны. Форм «русского» плюсквамперфекта в Пск. II нет вообще, в Пск. I он представлен одним примером.

Во второй группе сочетание *быти* в пр. вр. + *-л*-форма не имеет ни одного из приписываемых плюсквамперфекту значений и рассматривается как свободное синтаксическое сочетание бытийного глагола и причастия прошедшего времени. В примерах, которые относятся к этой группе, нет обязательного для любого плюсквамперфектного значения семантического компонента предшествования в прошедшем, ср.: ИЛ КЛ л. 282 об. *Данило же. держаше рать. с Коуремьсою. и николиже.*

не боасѧ Коуремьсѣ. не бѣ бо моглѣ. зла емоу створити. – действие **не бѣ моглѣ** не предшествуют действию **боасѧ**, выраженному аористом, а является одновременным ему: ‘не боялся, т. к. тот был не в состоянии (не до этого, а в то самое время!) причинить Даниле вред’.

Сочетание *быти* в пр. вр. + *-л-*форма может обозначать: 1) фоновое действие; 2) продолжительное действие; 3) действие, синонимичное по характеру соседним действиям, выраженным формами аориста. По всей видимости, это связано с тем, что *-л-*форма в таких случаях функционирует в качестве причастия на *-ъи/-въи-*. Следовательно, семантика сочетания *быти* в пр. вр. + *-л-*форма складывается из семантики его составляющих. Возможность употребления *-л-*формы в качестве «обычного» причастия, как и любого причастного образования в древнерусском с глаголом *быти* в прошедшем времени абсолютно закономерна.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования.

В диссертационном исследовании были проанализированы все примеры употребления *-л-*форм без связки в нарративе в русских летописях, различающихся как временем создания, так и диалектной принадлежностью.

1. *-л-*формы без связки, не имеющие перфектного значения (т. е. не обозначающие результата, отнесенного к настоящему), традиционно трактуются как финитные и объясняются упрощением временной системы в истории русского языка. Однако, как показал проанализированный материал, *-л-*формы без связки без перфектного значения употребляются не непредсказуемо, а в определенных типах контекстов, повторяющихся во всех летописях. Специализированные контексты можно разделить на две группы.

К первой относятся *-л-*формы, обозначающие **результат, отнесенный к прошлому**. Данное употребление объясняется в работе нейтрализацией форм перфекта и плюсквамперфекта в форме, выражающей грамматическое значение результата без его соотнесения с временным планом настоящего или прошлого. Такая интерпретация подтверждается материалом современных русских северо-западных говоров с «новым» перфектом / плюсквамперфектом на *-виш*, в которых бессвязочная форма на *-виш* может употребляться по отношению к прошедшему времени.

Вторую группу составляют *-л-*формы, употребленные в различных функциях **действительных причастий** прошедшего времени на *-ъи/-въи-*. Они обозначают либо дополнительное сказуемое, либо фоновое действие, либо действие, более

продолжительное по сравнению с соседними действиями, выраженными формами аориста, либо состояние, начавшееся до основного момента повествования и продолжающее длиться во время самого повествования. Такое употребление свидетельствует о том, что *-л-*форма могла функционировать не только в составе сложных времен, но и самостоятельно – в качестве собственно причастия прошедшего времени.

Эти две группы контекстов в наиболее ранних летописях составляют 100% от всех бессвязочных *-л-*форм в не перфектном значении; с течением времени их процент закономерно уменьшается, уступая место *-л-*формам, употребленным финитно, что согласуется с общими представлениями о постепенном превращении *-л-*формы в финитное образование.

2. В качестве «обычного» причастия *-л-*форма могла использоваться и со связкой в прошедшем времени (как любое причастное образование). К такому употреблению относятся примеры, в которых сочетание *быти* в пр. вр. + *-л-*форма не выражает грамматического значения плюсквамперфекта, а имеет семантику, закономерно складывающуюся из двух составляющих в зависимости от лексического значения смыслового глагола. Это может быть фоновое действие, продолжительное действие либо действие, синонимичное по своему характеру формам аориста.

3. Возможная функциональная синонимичность причастий на *-л-* и на *-ъш/-въш-* и их взаимопроникновение в функции друг друга подтверждается примерами, в которых сочетание *быти* в пр./наст. вр. + прич. на *-ъш/-въш-* имеет результативное значение. До сих пор было известно всего три примера таких конструкций. В данной работе были приведены еще семь обнаруженных контекстов. И по форме, и по значению сочетания *быти* в пр./наст. вр. + прич. на *-ъш/-въш-* в них совпадают с тем, что показывает материал говоров с перфектом/плюсквамперфектом на *-виш-*. Вполне возможно, что северо-западный перфект сформировался именно на базе рассматриваемых конструкций. Наличие таких примеров в памятниках самой разной диалектной локализации свидетельствует о том, что такое употребление не было локально ограниченным, а характеризовало весь древнерусский язык.

4. Выводы о причастном функционировании *-л-*формы подтверждаются отдельными фактами древнерусской письменности, материалом современных русских диалектов и других славянских языков.

Таким образом, история *-л-*формы сложнее, чем принято считать. Она не сводится к участию в сложных временах и превращению в единственную форму прошедшего времени. Исследованный материал свидетельствует о том, что *-л-*форма уже в раннедревнерусский период могла употребляться в качестве причастия на *-ъш/-въш-* как

со связкой, так и без нее. Как показывают псковские летописи, ее причастный характер проявлялся вплоть до XV-XVI вв.

5. В проанализированных текстах *-л-*форма не в прямой речи может употребляться в составе перфекта со связкой или без нее. Процент употреблений со связкой сокращается со временем, в псковских летописях таких употреблений нет вообще.

Можно выделить две группы перфектного значения не в прямой речи. Первая группа – это так называемый относительный перфект, который использовался в изъяснительных придаточных после ментальных и перцептивных глаголов, в том числе после глаголов *речи* и *глаголати* (ранее считалось, что относительного употребления времен после этих двух глаголов не существовало и что сфера употребления изъяснительных конструкций при косвенной речи была уже, чем в современном русском языке).

Вторая группа – перфект в собственно перфектном значении, обозначающий результат, актуальный для пишущего.

6. В нарративе летописей *-л-*форма регулярно используется для образования плюсквамперфектных форм. В 99% случаев это «книжный» плюсквамперфект, имеющий результативное или антирезультативное значение. Значение давнопрошедшего практически не представлено. Это говорит о том, что, вопреки типологическим данным, антирезультативное значение у русского плюсквамперфекта зарождалось на базе результативного, а не давнопрошедшего.

Примеры с семантикой таксисного предшествования единичны. Это, а также само устройство оппозиции перфект / плюсквамперфект, основанной на отнесении результата к настоящему или прошлому, свидетельствует, что это значение едва ли было исконным значением плюсквамперфекта.

«Русский» плюсквамперфект крайне редок. Было обнаружено всего семь примеров с результативной или антирезультативной семантикой.

Псковские летописи по функционированию плюсквамперфекта сильно отличаются от других летописей. «Книжные» формы в них редки и нерегулярны, «русский» плюсквамперфект представлен всего одной формой. Хотя формы типа *был* + *-л-*форма присутствуют в современных псковских говорах, их описание неполно, что не дает возможности сопоставить летописный материал с диалектным.

В **приложении**, являющемся необходимым дополнением к основному тексту работы, представлен полный список встретившихся в летописях контекстов с *-л-*формами, употребленными в качестве простого претерита, с перфектом в собственно перфектном значении, с относительным перфектом и с плюсквамперфектом.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК, а также индексируемых в Scopus:

1. **Скачедубова М. В. К интерпретации случаев употребления -л- форм без связки (на материале Ипатьевской летописи) / М. В. Скачедубова // Slavistična revija. – 2017. – №1. – С. 115–125.**
2. **Скачедубова М. В. Об интерпретации -л-формы без связки в плюсквамперфектных контекстах в Ипатьевской и 1-ой Новгородской летописях / М. В. Скачедубова // Вопросы языкознания. – 2018. – Вып. 5. – С. 64–76.**
3. **Скачедубова М. В. К вопросу об отражении перфекта на -ши в памятниках северо-западного региона / М. В. Скачедубова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2018. – Вып. 5. – С. 31–36.**

Другие публикации:

4. *Скачедубова М. В.* О некоторых особенностях функционирования -л- формы в Ипатьевской летописи / М. В. Скачедубова // Язык, сознание, коммуникация. Сборник научных статей, посвященный памяти Надежды Васильевна Котовой и Ольги Александровны Ржанниковой / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. МГУ им. М. В. Ломоносова, Филологический факультет. – М.: МАКС Пресс, 2016. – С. 78–83.

5. *Скачедубова М. В.* «О некоторых особенностях функционирования -л- формы в Ипатьевской летописи в сопоставлении с болгарскими памятниками» / М. В. Скачедубова // Тезисы молодежной научной конференции «Славянский мир: общность и многообразие» в рамках дней славянской письменности и культуры / отв. ред.: Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. – М., 2016. – С. 48–49.

http://www.inslav.ru/images/stories/conf/2016_slavmir_molodezh_tezisy.pdf

6. *Скачедубова М. В.* Плюсквамперфект в Ипатьевской летописи / М. В. Скачедубова // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров» / под ред. Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. – Вып. 3. – М.: МПГУ, 2016. – С. 280–289.

7. *Скачедубова М. В.* Перфект в Ипатьевской летописи XXVI / М. В. Скачедубова // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2016. – С. 247–248.

8. *Скачедубова М. В.* «К вопросу об интерпретации сочетания глагола *быти* в прошедшем времени и -л- причастия в Ипатьевской и 1-ой Новгородской летописях» / М. В. Скачедубова // Тезисы молодежной научной конференции «Славянский мир:

общность и многообразие» в рамках дней славянской письменности и культуры / отв. ред.:
Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. – М., 2017. – С. 70–71.

http://inslav.ru/sites/default/files/editions/2017_slavmir_tezisy.pdf

9. Скачедубова М. В. Оппозиция перфект/плюсквамперфект в 1-ой Новгородской летописи в сопоставлении с данными русских говоров / М. В. Скачедубова // Международная научная конференция «Русский глагол» (к 50-летию выхода в свет книги А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина). Тезисы докладов. – СПб.: 2017. – С. 141–142.

Таблица 1. Количество употреблений -л-форм без связки не в перфектном значении

		ИЛ ПВЛ	ИЛ КЛ	ИЛ ГЛ	ИЛ ВЛ	ИПЛ ст.	ИПЛ мл.	ЛЛ ПВЛ	СЛ	Ак.	Пек. I	Пек. II	
1. Специализированные контексты	1.1. результиративная форма	6	9	3	4	13	33	8	10	9	5	10	
	1.2. в качестве причастия на -ъш- / -въш-	1.2.1. в контекстах, типичных для зависимых причастных предикаций	1	0	1	1	7	6	1	3	2	5	3
		1.2.2. -л-форма (и) аорист /	1	5	0	0	2	3	3	2	3	0	0
		1.2.3. для обозначения продолжительного действия	0	3	0	0	0	26	0	1	3	30	14
	1.2.4. в контекстах таксисного предшествования	0	3	1	1	0	7	1	0	0	0	2	
	ВСЕГО -л- форм в специализированных контекстах	8 (100%)	20 (100%)	5 (100%)	6 (86%)	22 (95%)	75 (39%)	13 (72%)	16 (33%)	17 (45%)	40 (39%)	29 (33%)	
2. -л- форма в качестве простого претерита		0	0	0	1 (14%)	1 (5%)	96 (61%)	5 (28%)	33 (67%)	11 (55%)	62 (61%)	60 (67%)	
ВСЕГО -л- форм без связки не в перфектном значении		8	20	5	7	23	171	18	49	38	102	89	